

конечно, но самъ Л-въ Н-чъ что-то заскучалъ и, взявъ съ собою двоихъ учениковъ Ясно—Полянскій школы, уѣхалъ съ ними въ маѣ мѣсяцѣ въ Самарскія степи, откуда возвратился мѣсяца чересъ два. Безъ него пріѣзжали жандармы, производили обыски, но, конечно, безрезультатно, потому что Л-въ Н-чъ былъ чуждъ политикѣ и насъ всѣхъ отчудилъ отъ нея. Жандармы были направлены на Ясную Поляну, вѣроятно, по неудовольствію, которое Л-въ Н-чъ возбудилъ противъ себя въ своихъ сочленахъ по сѣзду Мирowychъ Посредниковъ. Послѣ возвращенія Л-ва Н-ча изъ самарскихъ степей былъ, я помню, въ Ясной Полянѣ Евгеній Львовичъ Марковъ, бывшій тогда учителемъ Тульской Гимназіи, впоследствии извѣстный публицистъ и литераторъ. Марковъ пріѣзжалъ въ Ясную Поляну вскорѣ послѣ того, какъ была получена книжка Русскаго Вѣстника съ его статьею объ Ясно—Полянскій школѣ и о журналѣ „Ясная Поляна“, въ которой Марковъ весьма критически отнесся къ педагогическимъ идеямъ Л-ва Н-ча и этимъ всѣхъ насъ возбудилъ противъ себя. Тѣмъ не менѣе, Л-въ Н-чъ принялъ его весьма любезно, и когда мы слишкомъ яростно нападали на Маркова, въ особенности послѣ его отъѣзда, Л-въ Н-чъ, не соглашаясь съ Марковымъ, сказалъ, что онъ очень уменъ и статья его очень умная статья, и тѣмъ сдержалъ наши нападки. Въ августѣ Л-въ Н-чъ поѣхалъ въ Москву по дѣламъ редакціи журнала „Ясная Поляна“, которую завѣдовалъ одинъ студентъ. Окна квартиры этого студента были вровень съ тротуаромъ, и я почему то помню, что рассказывали, будто Левъ Н-чъ ходилъ къ этому студенту обыкновенно съ улицы черезъ окно. Говорили также, что Левъ Н-чъ, пріѣхавъ въ Москву, остановился въ зтотъ разъ не въ гостинницѣ, а на студенческой квартирѣ. Но скоро мы услышали, что онъ переѣхалъ въ одну изъ лучшихъ тогда гостинницъ въ Москвѣ—къ Шевалдышеву, а затѣмъ и въ самую лучшую,—къ Шевалье въ Газетномъ переулкѣ. Не могу утверждать, что все это такъ на самомъ дѣлѣ и было,—но почему-то все это сохранилось у меня въ памяти. Потомъ получилось извѣстіе, что Левъ Н-чъ женится, а въ сентябрѣ онъ пріѣхалъ въ Ясную Поляну со своею супругою Софьею Андреевною. Въ это же время рассказывали, будто Левъ Н-чъ однажды чуть было не женился на одной своей сосѣдкѣ, но вмѣсто церкви, гдѣ должна была совершиться его свадьба, онъ уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе. Вѣрно-ли это, я также не знаю.

Ко времени пріѣзда Льва Н-ча съ молодою женою всѣ учителя разѣхались по своимъ школамъ; я былъ младшій изъ всѣхъ, мнѣ было всего 17-тъ лѣтъ, менѣе другихъ опытный, и моя самостоятельная дѣятельность въ Плехановской школѣ была не особенно удачна, а потому съ осени я долженъ былъ заниматься въ Ясно—Полянскій школѣ, гдѣ преподавалъ, какъ уже сказано, и Левъ Н-чъ; но по пріѣздѣ Льва Н-ча послѣ женитьбы занятія въ школѣ не начинались; я не разъ спрашивалъ Льва Н-ча, когда же мы будемъ заниматься, и онъ каждый разъ, какъ я помню, отвѣчалъ мнѣ—„будемъ, будемъ.“ Въ концѣ концовъ, братъ Льва Н-ча Сергѣй Н-чъ предложилъ мнѣ давать уроки его сыну, который жилъ съ матерью въ Тулѣ, и я переѣхалъ въ Тулу.... Такъ кончилось мое пребываніе въ Ясной Полянѣ. Вскорѣ закрылись и всѣ школы, открытыя было Львомъ Н-чемъ.... Помню, что,